

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

РАДИНА Н.К. ИСТОРИИ И СКАЗКИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ. ЧИТАТЬ. СОЧИНЯТЬ. СЛУШАТЬ. СПБ.: РЕЧЬ, 2006. — 208 с.

Взгляд на мир как текст или совокупность текстов, столь характерный для современного социогуманитарного знания, может быть реализован как в исследованиях макроструктуры общества, так и в анализе повседневных практик, не так давно попавших в поле научного интереса обществоведов. Термином «нарратив», прочно вошедшим в научную лексику социологов, психологов, лингвистов, обозначаются повествовательные конструкты, принципиально неотделимые от контекста: позиции рассказчика, конкретной ситуации рассказывания, присутствия слушателя, целого комплекса социальных, исторических, политических условий. Таким образом язык, реализованный в конкретной последовательности высказываний, осуществляет «локализацию» и «темпорализацию» идеального смысла, конструирует социальную реальность «здесь-и-сейчас» [1, с. 39–40]. В широком смысле нарративами являются и глубинные мифологические структуры, лежащие в основе воспроизводства текстов той или иной культуры, и истории государств, и доминирующие жизненные сценарии (метанарративы), на которые ориентированы целые поколения и которые находят своё отражение в кассовых фильмах и книгах-бестселлерах, и рассказы о жизни отдельных людей.

Нарративы всегда переплетены, они проникают один в другой, определяют и трансформируют друг друга. С началом их теоретического осмысления появляются «многослойные» нарративы о нарративах, повествования о повествованиях, в свою очередь отсылающих к другим повествованиям, и т. д. Анализ нарративов нельзя целиком «вписать» ни в одну из сложившихся областей социогуманитарного знания. Многочисленные работы социологов, психологов, этнографов, лингвистов, разнящиеся языком описания и расстановкой акцентов, вносят вклад в структурирование этого междисциплинарного дискурса, который может быть условно отнесён к «интерпретативному направлению социальных наук» [1, с. 40].

Рецензируемая работа Н.К. Радиной представляет собой попытку рассказать о работе с индивидуальными жизненными историями людей, вписанными в метасценарии культуры при помощи чтения, сочинения и слушания сказок и историй. Сказки и истории, которые мы читаем на досуге для собственного развлечения или рассказываем детям, могут послужить важнейшим описанием человеческого существования. Они помогают реконструировать пути вхождения человека в культуру, его жизненные сценарии и

способы интерпретации окружающего мира. Всё многообразие ситуаций «соприкосновения» человека со сказками и историями, способов их социализирующего, социально-структурирующего и терапевтического воздействия разделены Н.К. Радиной на три блока: чтение, сочинение, слушание.

«Читать — значит лечить и социализировать». Под этим девизом проходит первая часть повествования. Сказки нужны скорее не детям, а их родителям как средство воспитания и обучения, как средство культурных и педагогических интервенций. Из всего многообразия способов прочтения сказок Н.К. Радиной в первую очередь останавливается на родительском чтении. Именно родители открывают человеку мир сказок, который содержит в «свёрнутом», «зашифрованном» виде опыт многих поколений, культурные коды, определяющие социализацию ребенка. Современные родители часто сталкиваются с проблемой выбора сказок для своих детей из огромного множества народных и авторских, бытовых и волшебных, проверенных временем и современных, предлагаемых книгоиздателями. Может также возникнуть вопрос, какие сказки интересны детям того или иного возраста, когда и как читать (рассказывать) сказки, как правильно относиться к диа- и видеофильмам, чтобы они были «во благо» ребёнку, помогали ему стать своим в том обществе, которое, увы, он вынужден принять не выбирая.

Н.К. Радиной формулирует свою позицию как консервативную¹: «В данной книге представлена позиция, в рамках которой и для родителей, и для психологов предпочтительнее авторские и народные сказки, проверенные временем. Это сказки, влияние которых отточено, лишние метафоры и образы («культурный мусор») утеряны, сюжет отшлифован, и потому воздействие их более предсказуемо и культурно детерминировано» (с. 13). Таким образом, именно проверенные временем сказки следует привлекать и для родительского, и для профессионального психотерапевтического чтения.

«Исцеляющие» и интегрирующие свойства искусства, которое испытывает на себе человек как во время «пассивного» общения с литературными, живописными, музыкальными произведениями, так и в процессе активного творческого самовыражения, известны с древнейших времён. В повседневной жизни мы часто стихийно и неосознанно занимаемся «самолечением» и приобщением к культурным кодам своего общества, когда ходим в театры и на выставки, смотрим фильмы, читаем книги или занимаемся рукоделием. В психотерапевтической практике сформировалось множество направлений, основанных на общении человека с искусством: это и музыкотерапия, и арт-терапия, и психодрама, и ряд других (с. 44–46).

Возвращаясь к проблеме чтения, автор особо останавливается на клинической библиотерапии, разработанной российским психиатром-психотерапевтом М.Е. Бурно и основанной на дифференцированном подходе к выбору литературных произведений, так как разным типам личности «созвучны» разные сюжеты и разные художественные приёмы (с. 46–52). Например, шизоидному типу рекомендуется читать поэтические произведения Данте и Н. Заболоцкого, прозу Ф. Кафки и А. Битова, а истерическим

¹ Такая позиция несколько расходится с традицией отечественных психологов опираться на авторские, в том числе и свои, сказки (И.В. Вачков, А.В. Гнездилов, Д. Соколов и др.).

психопатам больше подойдут стихи Г. Лорки и И. Северянина, из прозы же их привлечет Ж. Санд (с. 49–50). К сожалению, Н.К. Радина не приводит теоретическое обоснование этих рекомендаций.

«Сочинять — значит лечить, социализировать и вводить в транс». Социализирующее и психотерапевтическое воздействие на человека оказывает не только чтение, восприятие сказок и историй, но и активное творческое участие в сочинении повествований. Повествовательный текст представляет собой динамическое взаимодействие слоя реальности, из которого сочинитель заимствует определённые элементы, и вымышленного мира, переход к которому осуществляется через воображение. Как пишет В. Изер, «хотя каждый член триады (воображение сочинителя, реальность и вымысел. — *Е.В.*) выполняет важную функцию, первостепенное значение имеет сам акт вымыслообразования: он пересекает границу и того, что организует (внешняя реальность), и того, чему придаёт форму (расплывчатость имажинарного). Ведя реальное к имажинарному и имажинарное к реальному, этот акт создаёт предпосылки для перекодировки наличного мира...» [2, с. 25]. В психологической практике такая «перекодировка наличного мира» означает, что пациент в процессе работы с психологом становится творцом собственной жизни, заново конструируя свою историю.

Идеи социального конструирования реальности нашли сторонников среди психологов в лице Дж. Фридмана и Дж. Комбса. Они поясняют, что «социальные реальности конструируются представителями культуры по мере взаимодействия друг с другом, поколение за поколением, день за днём. Люди создают Историю и истории, а дети, рождаясь и взрослея, попадают в определённые истории, и их “ожидает” определённое место в Истории» (с. 81). Мы проживаем истории, а «нас проживают» истории нашей расы, местности и социального слоя. «Доминирующий нарратив», или главная, наиболее привлекательная история, на которую равняется большинство представителей данной культуры, которая находит своё отражение в кинофильмах и литературных бестселлерах, во многом определяет и индивидуальные нарративы (с. 82–83).

Однако каждый человек способен деконструировать свой нарратив, иначе «написать» собственную жизнь. Неприятные и травмирующие обстоятельства или ситуации могут быть изменены путем выявления других событий, находившихся вне фокуса внимания, или переинтерпретации уже получивших свою историю событий. Когда люди пересказывают свои истории в ходе терапии, они часто открывают для себя новые перспективы. В конечном итоге каждый способен стать автором, творцом собственной истории жизни.

Надо отметить, что в сочинительстве участвуют не только «клиенты». Истории болезни являются вымыслом не только пациента, который корректирует свою жизнь в процессе рассказывания, но и терапевта. Так, З. Фрейд в процессе психиатрической практики создал новый жанр «психотерапевтической литературы», осуществив тем самым свою мечту — быть писателем, оставаясь при этом в роли врача [3, с. 5, 10]. Таким образом, психоанализ сам по себе может быть рассмотрен как создание нарративов (этому посвящена глава «Психоанализ как литературное творчество»), влияние которых на культуру XX века сложно переоценить. Достаточно вспомнить фрейдистское прочтение истории Эдипа, подводящее поэтическую основу под «сознательную психику» и заключающее, что логика, реализуемая в сюжетах

нашей жизни, носит мифологический характер [3, с. 15–16]. Неудивительно, что психоанализ нашёл такое множество приверженцев среди художников, кинематографистов и литераторов.

«Слушать — значит исследовать». Вербальный материал, создаваемый людьми в процессе сочинения историй, да и просто рассказы о жизни имеют большую психодиагностическую ценность (с. 95). Техники, которые помогают определённым образом организовать речевую деятельность клиента, способствуют рождению историй и их психоаналитической интерпретации, относятся к заключительному теоретическому аккорду работы: редукции исследования до восприятия чужих историй. Н.К. Радина описывает приёмы работы со сценариями, историями жизни клиентов в индивидуальной психологии А. Адлера и транзактном анализе Э. Берна, а также юнгианский метод психодиагностики на базе любимой сказки.

На основе адлеровской схемы (с некоторыми модификациями) автор вместе с группой студентов провела эмпирическое исследование. В нём приняли участие 50 воспитанников детских домов и интернатов, которые должны были рассказать не менее чем о трёх событиях дошкольного периода (с. 99). В детских историях выявлялись повторяющиеся черты (например, многие рассказы начинаются с упоминания о затруднениях вспомнить хоть что-то из раннего детства). Затем анализировалась встречаемость ведущих действующих лиц историй (мама, папа, бабушка и т. д.), а также схожих, часто упоминаемых сюжетов (болезни и смерть, проступки, единение с родственниками, получение подарков). Обобщив результаты, исследователи сформулировали жизненный «девиз» воспитанников детских домов и нашли ему «эквиваленты» среди русских пословиц и поговорок, например: «таков наш рок, что вилами в бок», «искал дед маму, да и попал в яму» и т. д. (с. 104).

Среди «способов рождения текстов» автор останавливается на проективных методиках, основанных на использовании слабоструктурированных, неоднозначных стимулов, которые клиент неосознанно интерпретирует, исходя из своего личного опыта и желаний (с. 132). Конечно, не обойдён вниманием традиционный для психологии способ конструирования историй — интервью (с. 132–142). «Рождённые» тексты подлежат интерпретации, способов коей не счесть: от жёстких и формализованных до интуитивных, герменевтических подходов. Автор описывает привычный всем контент-анализ и новый интент-анализ — версию контент-анализа, разработанную сотрудниками лаборатории речи и психолингвистики Института психологии РАН (Т.Н. Ушакова и др.). Далее приводятся некоторые качественные методики, в том числе осевое кодирование, реализованное автором в совместном с Т.С. Харитоновой исследовании о «роли опыта межкультурного взаимодействия в построении картины мира молодым человеком» (с. 155).

Завершает книгу рабочая программа практико-ориентированного курса «Моделирование поведения и преодоление трудностей: сказки и истории в психологической практике». Мозаичность, практическая направленность и отсутствие претензий на значительность, упоминаемые автором (с. 206), находят своё отражение в многочисленных необобщённых примерах психологических техник и прикладных исследований.

Теоретический редукционизм. Автору, увлечённому эмпирическими зарисовками, не хватает ни места, ни времени, ни личных интенций для

внятного изложения методологических и теоретических оснований предлагаемых психотерапевтических приёмов. Возможно, педагогическая терапия не нуждается в методологической рефлексии и обосновании. Для неё вполне достаточно последовательного изложения приёмов и методов. Безусловно, простое повторение некоторых приёмов всегда даст некоторый воспроизводимый результат, который можно описать в предзаданных кем-то категориях. Но что реально происходит в момент чтения? В чём особенности восприятия прочитываемого материала? Зависят ли они от контекста и каким образом? Благодаря чему исследователь воспринимает некоторые тексты как культурные коды? И совпадает ли это восприятие с мнениями, высказываемыми самими реципиентами? Подобные вопросы выходят за рамки исследовательской программы, предложенной в книге.

«Классические и неоклассические схемы анализа сказки» редуцированы Н.К. Радиной до описания двух произведений: «Морфология сказки» В. Проппа и «Винни-Пух и философия обыденного языка» В. Руднева. Опубликованная в 1928 г. «Морфология сказки» положила начало бурному развитию структуралистского направления во многих областях социального знания. Идеи В. Проппа намного опередили своё время, на четверть века предвосхитив «расцвет» структурализма. Достаточно упомянуть обоснование устойчивости формы (структуры) волшебной сказки; разрешение «её антиномии с переменчивостью содержания» через систему подстановок и трансформации; указание на необходимость чтения текста как «по вертикали», так и «по горизонтали»; выявление особой роли мифов для структурного анализа [4, с. 132–133]. Следующие поколения исследователей, анализирующие структурные компоненты текста, либо перенимали и развивали метод Проппа, либо пытались его опровергнуть [5, с. 239]. Среди известнейших структуралистов, занимавшихся анализом текста, следует назвать К. Леви-Стросса, Р. Барта, А.-Ж. Греймаса. Позже доминирующие позиции занял постструктурализм, обнаруживший в структурализме бессознательные начала и противопоставивший им столь же бессознательные интер-, контекст- и гипертекстуальность любых повествовательных произведений, их диахроническую (историческую) глубину (см., например, работы Ю. Кристевой, Ж. Деррида, У. Эко). Насколько весомо в таком ряду имя В. Руднева — вопрос, который требует обоснованного ответа, а не безответственного присвоения блестящему философскому эссеисту статуса законодателя постклассического направления.

В предисловии к книге отмечается, что основные усилия автора направлены на объединение «на равных» различных направлений и техник (с. 7). Однако среди всех техник и подходов, упоминаемых Н.К. Радиной, явно преобладает психоанализ. Начиная с безобидных советов родителям: «детей от двух до пяти лет “волнуют” (вызывая одновременно страх и влечение) сюжеты, связанные с дуплом, норой...» (с. 17). И заканчивая постструктуралистской версией В. Руднева: «...во второй главе Пух лезет в нору Кролика и наедается там до такой степени, что не может вылезти обратно. Еда... является для Пуха наслаждением, лёгкое наслаждение символизирует зачатие, а его трудные последствия — родовую травму» (с. 32). Отдельная глава посвящена психоаналитическому толкованию снов. На изложение особенностей работы с повествованиями в остальных направлениях психологии (поведенческом подходе, транзактном анализе, индивидуальной психологии, психодраме и эриксоновском гипнозе) автору хватило одного абзаца (с. 14). Более-менее развёрнуто из непсихоана-

литических подходов описаны лишь сценарный подход Э. Берна (с. 106–108) и «позитивная психотерапия» Н. Пезешкиана (с. 40–43). Заметим, что проблемам психологии искусства (прежде всего литературы), в том числе искусству как катарсису, социальному и педагогическому значению творчества посвящена известная книга Л.С. Выготского «Психология искусства» [6]. К сожалению, ей не нашлось места даже в списке рекомендуемой литературы.

Резюме. Психологическая практика работы с нарративным материалом уместается у Н.К. Радиной в лаконичную триаду: чтение — сочинительство — слушание. Но не так-то просто, как может показаться, отделить сочинение повествований от «сотворческой активности» читателя или слушателя [7] (если речь идёт о психотерапевтическом или педагогическом сочинении, то просто невозможно), а чтение и слушание — от опосредующих теоретических схем. Поэтому-то и попадает, например, раздел «способы рождения текстов» в часть, посвящённую слушанию. Если бы знакомство автора с неклассическими теориями анализа повествований не ограничивалось работой В. Руднева, возможно, была бы избрана более удачная схема.

Попытки теоретических обоснований и эмпирические зарисовки живут в рецензируемом пособии отдельно, практически не пересекаясь. Даже заголовочная речь, казалось бы, задающая основной пафос и нить повествования через различие «истории» и «сказки», не выдерживает контекстуальности разворачивающегося нарратива. Лишь в некоторых местах автор упоминает о различии нарративов сказки и истории (с. 11, 62), но как на само собой разумеющееся и не требующее пояснений. Вместо них перед нами встают лишь смутные иносказания, например: «Сказка, придуманная для решения той или иной проблемы, не работает на клиента, а “топит” клиента в бессознательном “сказочника”. Другое дело — история...» (с. 61–62). Действительно, не всё ли равно, о чем идет речь — об истории или сказке, лишь бы нашёлся добросовестный читатель, способный связать воедино разрозненные фрагменты теорий, техник и эмпирических исследований, собрать предложенный автором разбросанный puzzle из осколков «чтения», «слушания» и «сочинения» в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 39–62.
2. *Изер В.* Вымыслообразующие акты / Пер. с англ. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 23–40.
3. *Хиллман Дж.* Исцеляющий вымысел / Пер. с англ. Ю.М. Донца; Под ред. В.В. Зеленского. СПб.: Б.С.К., 1997.
4. *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. и вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 121–152.
5. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. и вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 239–246.
6. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Минск: Современное слово, 1998.
7. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005.

Е.Ю. Васильева,
аспирант ГУ-ВШЭ